

Вадим Муратханов

ТА МУЗЫКА

•

Никого у меня нет —
лишь за стенкою сосед.
Я ему одну мелодию
играю много лет.

Чтоб душой он не грубел,
я играю на трубе.
Так в духовности соседа
заполняю я пробел.

Он еще не бросил пить.
Он меня пытался бить.
Все равно не перестану
по ночам ему трубить.

•

Глория Гейнор
брошена в контейнер.
Рене Обри —
попробуй собери —
зажеван, порван, по полу растянут,
и реставрировать его не станут.

С концертом Стинга
треснула пластинка.
«Пинк Флойд» и «Йес»
выставлены в подъезд.
И Интернет хранит из сил последних
все, чем гордился сломанный кассетник.

В провинциальном ресторане
встречались старые друзья.
Во время тостов не вставали
и пили то, что пить нельзя:

беспримесный огонь «Рояля»,
абсент в преддверье выходных...
Живая музыка звучала
на целый зал для них одних,

и подведенные глаза
закатывала вверх певица —
все не могла остановиться
и пела то, что петь нельзя.

Над липким столиком сутулясь,
не смог я рассчитать момент:
«Скорей бы уж она заткнулась!» —
вскричал, но аккомпанемент

прервался — и повисла фраза.
Дождь барабанил по стеклу,
и, краску по лицу размазав,
певица плакала в углу.

Допив зеленую цикуту,
на столик я щекой прилег
и ненавидел в ту минуту
любимый прогрессивный рок.

Точка на синем овале
с края на край ползет.
Озеро переплывали.
В лодке звучал «Пинк Флойд».

Волны плескались в колонках,
слышался скрип весла,
словно тот вечер пленка
в вечность перенесла.

